

УДК 821.112.2

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Э. КАНЕТТИ «ОСЛЕПЛЕНИЕ»

© 2017 г.

Е.М. Шастина

Елабужский государственный педагогический университет, Елабуга

shastina@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.02.2016

Рассматривается мифопоэтика романа австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти (1905–1994) «Ослепление» (1931–1932). Цель статьи – проследить трансформацию библейских мотивов в этом романе. Методологические установки, которыми руководствуется автор статьи, основаны на традиционном историко-культурном подходе к литературе, где сочетается опыт классического литературоведения как отечественного, так и зарубежного. Кроме того, продуктивным оказалось использование интертекстуального и интермедиального методов анализа, позволивших проследить межтекстовое взаимодействие, взаимодействие литературы и изобразительного искусства, выявить роль прецедентного текста, что способствовало раскрытию механизмов рецепции Библии в тексте романа, выявлению элементов трансформации библейских мотивов и авторского мифотворчества.

Ключевые слова: Канетти, мифопоэтика, трансформация библейских мотивов, интертекстуальность, интермедиальность, Библия.

Роман австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии 1981 года, Элиаса Канетти (1905–1994), «Ослепление» (*Die Blendung*), поэтика которого достаточно хорошо изучена как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении, допускает, как любое другое произведение, прошедшее проверку «большим временем», новое прочтение, поскольку художественный мир автора, многоликий и противоречивый, не укладывается в рамки какой-либо одной интерпретационной модели. Мифопоэтика романа акцентирует внимание на то, как писатель, характеризующийся мифологическим типом мышления, использует в тексте аллюзии на греко-римскую, христианскую, аккадо-шумерскую, китайскую мифологические системы.

Цель данной статьи – в очередной раз привлечь внимание к роману «Ослепление», который не утратил актуальности в XXI веке, спустя восемьдесят лет после первой публикации. Тогда, в 1935 году, роман не был по достоинству оценен ни критикой, ни читателем, не более «успешной» оказалась и вторая попытка в 1948 году, и только в 1963 году третье издание романа становится наконец заметным событием в литературной жизни Германии. Настоящая статья посвящена проблеме трансформации библейских мотивов в романе «Ослепление».

Интертекстуальное прочтение романа с привлечением в качестве прецедентного текста Библии нельзя назвать новым в канеттиведении, данному аспекту посвящен ряд работ зарубежных и отечественных литературоведов (К. Bartsch,

V. Greiner, P. van Meeuwen, Е.М. Шастина и др.) [1–6]. Одним из последних исследований, обращающих на себя внимание, является диссертация К. Шутти (C. Schutti) [7], в которой механизмы рецепции Библии в романе «Ослепление» раскрыты, на наш взгляд, наиболее полно. В этой связи представляется целесообразным остановиться на отдельных аспектах данной работы.

К. Шутти использует методы интертекстуального анализа, отправным моментом, естественно, являются «взаимоотношения» автора и Библии, отношение Канетти к религии в целом и к христианству в частности. Ответы на отдельные вопросы дает сам писатель, прежде всего в автобиографических текстах – автобиографической трилогии и заметках. Не менее продуктивным представляется «извлечение» информации из художественных текстов писателя, в первую очередь романа. Именно этому посвящена вторая часть исследования К. Шутти. Отсылки к библейскому тексту прослеживаются в романе на разных уровнях – от прямого цитирования до скрытых аллюзий, цифровая символика романа (*Zahlensymbolik*) также напрямую связана с Библией.

Априори центральное место в исследовании отводится толкованию эволюции названия романа – от «Кант ловит огонь» до конечного варианта – «Ослепление». Следует отметить, что традиционно при рассмотрении данного ракурса исследователи обращаются к интермедиальному аспекту творчества Канетти, к взаимодей-

ствию слова и изобразительного искусства [1; 4]. К. Шутти проводит параллель, позволяющую в фигуре экономки Терезы Крумгольц обнаружить следы библейской героини Далилы. В логике данного исследования самоожжение главного героя – Петера Кина перекликается с темой страданий Христа. Последние два положения носят, на наш взгляд, дискуссионный характер.

В книге «Недреманное ухо. Пятьдесят характеров» (*Der Ohrenzeuge. 50 Charaktere*) Канетти в числе прочих характеров останавливается на фигуре Боготряса, *видного мужчины, со звучным голосом и пышной гривой*, воплотившего всем известный тип людей, всегда и везде прячущихся за Бога. *Боготрясу нет необходимости задаваться вопросом о том, что такое хорошо и что такое плохо, поскольку он справляется об этом в Книге Книг. Здесь он находит все, что нужно. Это надежная опора. И он прислоняется к ней старательно и крепко. Что бы он ни предпринял, под этим подписывается Бог* [8, с. 243].

Канетти против подобного прагматизма в «использовании» Библии как жизненной опоры, когда все упоминается имя Бога. Он всегда скептически относился к религии фанатиков, предлагающей человеку готовые догмы, лишаящей его жизненной инициативы. Не имея определенного конфессионального предпочтения, Канетти писал: *Как непостижимо скромны люди, без остатка посвящающие себя одной-единственной религии! У меня очень много религий, а та единственная, что все их объединит, сложится лишь в течение моей жизни* [9, с. 250]. Для «боготрясов» все изыски нового времени совершенно излишни, поскольку они осложняют жизнь, *человеку надобен ясный ответ и такой, который всегда остается тем же* [9, с. 243]. Канетти иронизирует над Боготрясом, который прячется за Бога, пытаясь оградить себя от жизненных невзгод: *он спрятался под крылышком у Бога, здесь ему уютней бояться* [9, с. 324].

Обращаясь к биографии писателя, можно утверждать, что Канетти не страдал от утраты еврейских корней, как это было в жизни и сознании Кафки, напротив, неустанно повторял о величайшем духовном искушении в жизни – *быть вполне евреем. Ветхий завет, где бы я его ни раскрыл, захватывает меня. Почти в каждом месте я нахожу что-то соответствующее мне. Я бы охотно звался Ноем или Авраамом, однако и мое собственное имя наполняет меня гордостью. Я пытаюсь говорить себе, когда истории Иосифа или Давида грозят поглотить меня, что они околдовывают меня как поэта,*

да и какого поэта они бы оставили равнодушным. Это, однако, неправда, тут скрыто много больше [9, с. 261].

Из этого следует, что для Канетти-художника важен литературный дискурс Библии, в то же время Ветхий Завет для Канетти – «эксперта власти» – есть история власти Бога, которая *начинается с творения как такового, и история притязаний этого творца и есть, пожалуй, то, что придаст библейскому повествованию его неповторимое своеобразие* [9, с. 286]. Таким образом, в поле зрения Канетти попадает поэтика Библии. Библейские мотивы являются в творчестве писателя не только сюжетными, описательными, внутритекстовыми, но и интертекстуальными. В ряде случаев можно говорить о знаковости мотива, которая наблюдается как в его повторяемости от текста к тексту, так и внутри одного текста, что позволяет вести речь о специфике функционирования библейского мифа как прецедентного текста.

Ослепление и слепота становятся для Канетти символами эпохи, которая потребовала от художника поиска иных форм отражения действительности, поскольку «мир распался», и, «лишь имея мужество показать его в состоянии распада, можно еще дать о нем истинное представление» [12, с. 126]. Писатель обращается к изобразительному искусству – знаменитым полотнам Брейгеля и Рембрандта, чтобы показать, что ослепление неминуемо ведет к гибели. Библейская притча о слепых, запечатленная на картине Питера Брейгеля Старшего («Притча о слепых», 1568) является, по мнению Канетти, тому подтверждением. Более подробно Канетти останавливается на сюжете картины Рембрандта «Ослепление Самсона» (1636). Естественно, что первоисточником, вдохновившим и Рембрандта, и Канетти, была Библия – Книга Судей [гл. 16, 15–30]. Истории ослепления в Библии отводится лишь несколько строк: *Филистимляне взяли его и выкололи ему глаза, привели его в Газу, и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников* [гл. 16, 21]. У Канетти библейский сюжет превращается в центральный мотив романа. Кроме того, в библейской истории ослепления Самсона находят отражение его «главные темы»: масса, власть, превращение, смерть. На это, в частности, обращает внимание Б. Грайнер [2, S. 547].

В книге «Факел в ухе» [10] Канетти описывает свои впечатления от картины Рембрандта «Ослепление Самсона» [10, S. 113]. Писатель сочиняет свою историю ослепления. Далила, выведав по наущению филистимлян о скрытой в его волосах неодолимой силе, повелевает остричь семь кос головы спящего Самсона, предав

его затем в руки филистимлян со словами: *филистимляне на тебя, Самсон!* [гл. 16, 12].

Б. Грайнер указывает на еще одну возможную трактовку «включения» библейского мотива в канву романа: для иллюстрации так называемого межкультурного конфликта (*der interkulturelle Konflikt*) израильтян (Самсон является одним из двенадцати «судей израилевых») и филистимлян [3, S. 126], проводя параллель с начавшимися в период работы над романом преследованиями евреев национал-социалистами.

Следует заметить, что к истории поверженного Самсона Канетти обращается не единожды. В драме «Свадьба» (*Hochzeit*) [11] также присутствует библейский мотив, связанный с гибелью Самсона. В пятой картине пролога домоправитель Кокош читает умирающей жене из «Книги Судей» о мести слепого Самсона филистимлянам, гибнущего вместе со своими врагами под руинами дворца. Персонажи драмы повторяют судьбу библейских героев, дом – символ власти и могущества – рушится, погребая под обломками всех, для кого обогащение стало смыслом жизни.

Канетти приближает библейскую трагедию к современности. История об ослепленном Самсоне призвана отобразить «распавшийся мир». Канетти полагал, что изобразительное искусство обладает способностью оградить человека от «фальшивой действительности», указать путь к истинным ценностям. Так, роспись алтаря в Изенгейме, которая является шедевром немецкой живописи XVII века, произвела на молодого писателя не меньшее впечатление, чем картина Рембрандта. Позднее Канетти напишет, что фототипиям Изенгеймского алтаря на стенах своей комнаты он обязан тем, что работа над романом не прервалась до времени. Библейский мотив распятия Иисуса находит воплощение в слове автора [10, S. 217]. Канетти описывает библейскую историю в самобытной манере, помещая её в текст автобиографии. Своеобразие Канетти-художника заключено в его отношении к языку как средству человеческого общения. Канетти напишет в заметках: *Тот факт, что существуют различные языки, – наиболее зловещий факт на свете. <...> За фасадом всей лингвистической науки скрывается стремление свести эти языки к одному-единственному. История о вавилонской башне – это история второго грехопадения. После того как люди утратили невинность и вечную жизнь, они вознамерились собственным искусством дорастить до самого неба* [9, с. 251] (выделено Канетти). Канетти неоднократно обращается к библейской истории о древнем Вавилоне. Так, в книге заметок «Провинция челове-

ка» (*Die Provinz des Menschen*) Канетти сравнивает Библию с Вавилонской башней [13, S. 36].

Третья глава романа «Ослепление», которая называется «Мир в голове», посвящена раздумьям Георга Кина, удачливого врача психиатрической клиники, и его спорам со старшим братом – Петером. У каждого из них есть свой мир, миры не пересекаются, что в итоге приводит главного героя к гибели. В то же время третья глава представляет собой синтез миров, описанных в предшествующих главах – «Голова без мира» и «Безголовый мир». Кульминацией этого слияния стало гориллообразное существо, дружба с которым принесла славу молодому врачу. Брат банкира, превратившись в человека-гориллу, создал свой мир, в котором властвует он и его язык. Канетти вводит в повествование библейский сюжет о сотворении мира: *Он вселил в две комнаты мир. Он сотворил то, что ему было нужно, и после своих шести дней, на седьмой, разобрался в этом. Вместо того, чтобы почивать на лаврах, он подарил своему творению язык* [14, с. 431]. Георг угадал в этом существе присутствие мифического единения – интеллекта и инстинктов. Петер и его алчная жена Тереза говорят на разных языках, гориллообразного и его бывшую секретаршу, напротив, объединяет язык, превращая их союз в любовную идилию.

Канетти предлагает свою формулу жизни, согласно которой человек не становится животным, он лишь в обличье животного находит желанную свободу. Благодаря дару превращения человек стал человеком.

Пример трансформации библейского образа представлен в главе романа «Иуда и спаситель», речь идёт о картине «Тайная вечеря», которую увидела Тереза в соборе. Известная притча о трапезе Иисуса Христа и двенадцати апостолов, когда он предрекает предательство Иуды, представлена как бы наоборот, поскольку толкование Терезы, олицетворяющей собой воинствующее невежество, приводит к полному искажению библейского сюжета: *Там висела картина с тайной вечерей, написанная дорогими масляными красками. Рама была сплошь золочёная. Скатерть ей не понравилась. Люди не знают, что красиво, к тому же она была уже грязная. Кошелёк хотелось потрогать, в нём лежало тридцать славных сребреников, их не было видно, но кошелёк как живой. Иуда держал его. Он не раставался бы с ним, он же был скуп. Он никому ничего не дал. Он был как её муж. Потому он и обманул Спасителя. Её муж худой, а Иуда толстый и с рыжей бородой. В самой середине сидит интересный человек. Такое у него красивое лицо, бледное-бледное, и глаза совсем такие, как полагается. Он знает всё. Он интересный, но и умен тоже. Он внимательно разглядывает кошелёк.*

<...> Она – белый голубь. Иуде это невдомёк. Он думает только о своем кошельке. Из-за кошелька он целует милого Спасителя и обманывает его <...> [14, с. 150]. Кин, отождествляющий себя с Христом, становится в представлении Терезы Иудой; Тереза, которая мечтает об «интересном человеке», мнит себя белым голубем, который является символом Святого Духа; Груб, алчный торговец, превращается в глазах Терезы в Самого Спасителя.

Обращение Канетти к библейскому мифу, как к наиболее частотному прецедентному тексту, указывает на то, что литературный дискурс Библии оказал влияние на формирование его стиля. Исследование характера функционирования библейского мифа в романе «Ослепление» представляется продуктивным и перспективным, поскольку позволяет расширить представление о мифологическом мышлении австрийского писателя, для которого мифы оставались источником вдохновения. Вычленение и анализ библейских мотивов помогает лучше понять динамику авторского ценностного отношения к бытию, суть его этико-философских взглядов.

Список литературы

1. Bartsch K. «Bilder bestimmen, was man erlebt». Elias Canetti und die bildende Kunst // Österreichische Literatur: Zentrum und Peripherie: Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg (2005/2006, Bd.7). 2007. S. 110–134.
2. Greiner B. Das Bild und die Schriften der «Blendung»: über den biblischen Grund von Canettis Schreiben // Paradeigmata. Literarische Typologie des Alten Testaments. Zweiter Teil: 20. Jahrhundert (Hrsg. Von F. Link). Berlin, 1989. S. 543–563.
3. Greiner B. «Philister über Dir, Simson» – Die Geschichte Simsons als jüdische Urszene interkulturellen Konflikts. Die Erzählung der Bibel und deren Aneignung durch Elias Canetti // Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft. 44/1. 1999. S. 123–139.
4. Meeuwen P. van. Elias Canetti und die bildende Kunst: Von Bruegel bis Goya. F.a.M., etc.: Lang, 1988. 241 S.
5. Шастина Е.М. Библейские мотивы в творчестве Элиаса Канетти // Библия и национальная культура: Межвузовский сб. науч. ст. и сообщ. / Пермский университет / Пермь, 2004. С. 68–70.
6. Шастина Е.М. Мифопоэтическое пространство романа Элиаса Канетти «Ослепление» // Вестник Нижегород ун-та им. Н.И. Лобачевского. № 1 (2). Н. Новгород, 2012. С. 272–277.
7. Schutti C. Die Bibel in Elias Canettis *Blendung*. Eine Studie zur Intertextualität mit einem Verzeichnis der Bibelstellen (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Germanistische Reihe Bd. 70). Innsbruck: university press, 2006. 220 S.
8. Канетти Э. Недреманное ухо. Пятьдесят характеров / Пер. С. Власова // Человек нашего столетия: Пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Коммент. Р.Г. Каралашвили. М., 1990. С. 216–249.
9. Канетти Э. Заметки. 1942–1972 / Пер. С. Власова // Человек нашего столетия: Пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Коммент. Р.Г. Каралашвили. М., 1990. С. 250–309.
10. Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte (1921–1931). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. 348 S.
11. Canetti E. Dramen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1978. 253 S.
12. Канетти Э. Первая книга – «Ослепление» / Пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. М., 1990. С. 119–129.
13. Canetti E. Die Provinz des Menschen. Aufzeichnungen (1942–1972). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 367 S.
14. Канетти Э. Ослепление / Пер. с нем. С. Апта; Редкол.: Т. Балашова, Д. Затонский, С. Никольский и др. М.: Худож. лит., 1988. 496 с.

TRANSFORMATION OF MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE NOVEL «BLINDNESS» BY E. CANETTI

E.M. Shastina

The article discusses mythopoetics of the novel «Blindness» (1931–1932) by the Austrian writer and Nobel Prize laureate Elias Canetti (1905–1994). The purpose of the article is to trace the transformation of biblical motifs in Canetti's novel «Blindness». Methodological guidelines of the author are based on the traditional historical and cultural approach to literature which combines experiences of classical literary criticism, both domestic and foreign. The use of intertextual and intermedial methods of analysis has also proved to be productive by making it possible to trace the intertextual interactions, interaction of literature and fine arts, to reveal the role of precedential text, which in its turn contributed to understanding the mechanism of reception of the Bible in the novel, and finally to reveal elements of the transformation of biblical motifs and the author's mythmaking.

Keywords: Canetti, mythopoetics, transformation of biblical motifs, intertextuality, intermediality, the Bible.

References

1. Bartsch K. «Bilder bestimmen, was man erlebt». Elias Canetti und die bildende Kunst // Österreichische Literatur: Zentrum und Peripherie: Jahrbuch der Österreich-Bibliothek in St. Petersburg (2005/2006, Bd.7). 2007. S. 110–134.
2. Greiner B. Das Bild und die Schriften der «Blendung»: über den biblischen Grund von Canettis Schreiben // Paradeigmata. Literarische Typologie des Alten Testaments. Zweiter Teil: 20. Jahrhundert (Hrsg. Von F. Link). Berlin, 1989. S. 543–563.
3. Greiner B. «Philister über Dir, Simson» – Die Geschichte Simsons als jüdische Urszene interkulturellen Konflikts. Die Erzählung der Bibel und deren Aneignung durch Elias Canetti // Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft. 44/1. 1999. S. 123–139.
4. Meeuwen P. van. Elias Canetti und die bildende Kunst: Von Bruegel bis Goya. F.a.M., etc.: Lang, 1988. 241 S.
5. Shastina E.M. Biblejskie motivy v tvorchestve Ehliasa Kanetti // Bibliya i nacional'naya kul'tura: Mezhvuzovskij sb. nauch. st. i soobshch. / Permskij universitet / Perm', 2004. S. 68–70.
6. Shastina E.M. Mifopoeticheskoe prostranstvo romana Ehliasa Kanetti «Osleplenie» // Vestnik Nizhegorod un-ta im. N.I. Lobachevskogo. № 1 (2). N. Novgorod, 2012. S. 272–277.
7. Schutti C. Die Bibel in Elias Canettis *Blendung*. Eine Studie zur Intertextualität mit einen Verzeichnis der Bibelstellen (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Germanistische Reihe Bd. 70). Innsbruck: university press, 2006. 220 S.
8. Kanetti Eh. Nedremannoe uho. Pyat'desyat harakterov / Per. S. Vlasova // Chelovek nashego stoletiya: Per. s nem. / Sost. i avt. predisl. N.S. Pavlova; Komment. R.G. Karalashvili. M., 1990. S. 216–249.
9. Kanetti Eh. Zametki. 1942–1972 / Per. S. Vlasova // Chelovek nashego stoletiya: Per. s nem. / Sost. i avt. predisl. N.S. Pavlova; Komment. R.G. Karalashvili. M., 1990. S. 250–309.
10. Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte (1921–1931). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. 348 S.
11. Canetti E. Dramen. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1978. 253 S.
12. Kanetti Eh. Pervaya kniga – «Osleplenie» / Per. S. Shlapoberskoj // Chelovek nashego stoletiya. M., 1990. S. 119–129.
13. Canetti E. Die Provinz des Menschen. Aufzeichnungen (1942–1972). Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 367 S.
14. Kanetti Eh. Osleplenie / Per. s nem. S. Apta; Redkol.: T. Balashova, D. Zaton'skij, S. Nikol'skij i dr. M.: Hudozh. lit., 1988. 496 s.